

А.К. Бороздин

История русской литературы до XIX века

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.К. Бороздин**
История русской литературы до XIX века: Том 2 / А.К. Бороздин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 499 с.

ISBN 978-5-4241-6822-2

ISBN 978-5-4241-6822-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

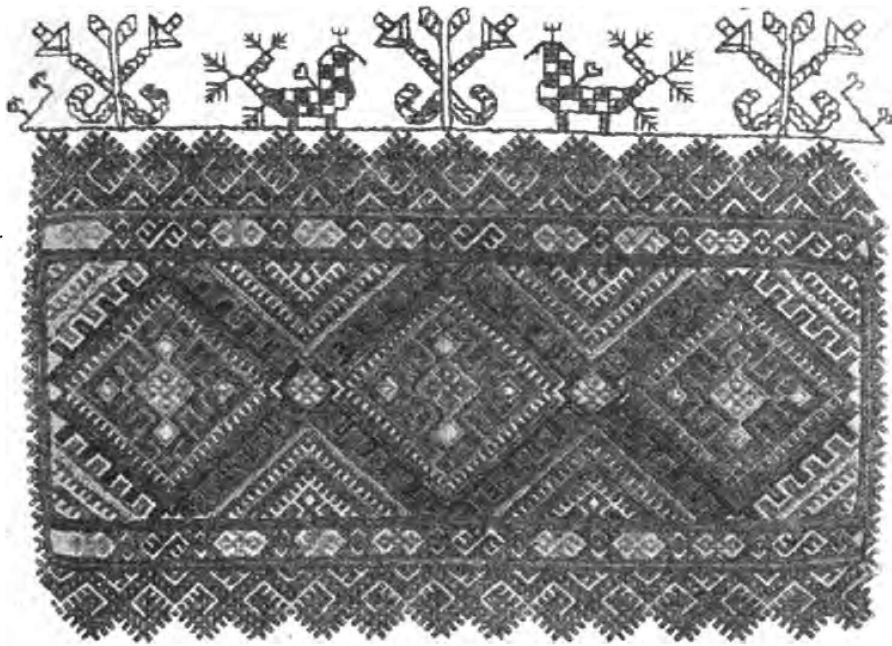
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

891.79
A6

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1908.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое народная словесность?

Сухо, почти всегда неуклюже было многіе вѣка русское слово, запечатлѣнное письменностью. Чуждыми оставались поэтическому „замысленію“ и уставъ и пергаментъ. Поэтической долгое время была не письменность, а только словесность. Шли вѣка и вѣка, а художество слова не сходилось съ литературой. Оно будто не хотѣло разстаться съ широкимъ привольемъ, не знающимъ застывшей формы, разъ навсегда высказанной и записанной. Все такимъ же неопредѣленнымъ и измѣнчивымъ продолжало оно ходить по Руси, пока насаждалась образованность, пока вырастала литература этихъ „новыхъ людей“, христіански-книжно образованныхъ, о которыхъ говоритъ древнее житіе св. Владимира. А позднѣе на изустное поэтическое слово возникло даже гоненіе, и тогда оно скрылось прочь отъ центровъ, въ глушь и въ топъ, и въ затишье пустынныхъ мѣстъ. И только очень поздно, въ XIX вѣкѣ, обнаружены были убѣжища этого бѣглого художественнаго слова. Только тогда раскрылась его красота, вѣковая и перемѣнчивая, посядѣвшая и обновленная, и на этотъ разъ оно попало уже и въ записъ, было воспринято и осознано заново, въ новой средѣ, при помощи печати.

Народная словесность — одно изъ лучшихъ украшеній славянскихъ литературъ, и это украшеніе — ихъ характернѣйшая особен-

ность. На Западѣ народная словесность исчезла давнымъ-давно, вдохнувъ послѣдній свой вздохъ въ поэзію средневѣковья. У насъ, напротивъ, она отчасти даже развивается дальше, а смерть ея,— потому что пришло время ей погибнуть и у насъ,— это смерть не мгновенная, а медленная, даже не смерть, а, скорѣе, замираніе.

Уму, привычному только къ писаной поэзіи, трудно освоиться съ тѣмъ, что такое народная поэзія. Кто ея авторы? Какова же окончательная форма каждаго изъ ея созданій? Какъ возникаетъ она и какъ развивается? Какой непонятной, неуловимой, полной самыхъ разнообразныхъ перипетій и неопредѣленной жизнью живетъ она? Вотъ вопросы, которые сейчасъ же возникаютъ, какъ только произнесены эти два слова: народная словесность. И хочется спросить еще: почему — народная? Какъ понимать это выраженіе — въ смыслѣ ли народности-національности или народности-демократіи?

На эти вопросы отвѣчаютъ различно. По мѣрѣ того, какъ пристальнѣе изучались произведенія народной словесности, въ нихъ все чаще приходилось открывать слѣды прямого книжнаго вліянія. Письменность и словесность начали тогда казаться не столь далекими. Старое представленіе о таинственномъ совершенно внѣ-книжномъ поэтическомъ творествѣ совокупно всего народа, и притомъ народа въ его національной обособленности, стало замѣняться попытками возстановить „литературную исторію“ нѣкоторыхъ созданий народной поэзіи, опредѣлить себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть характеръ его неуловимыхъ творцовъ, отбросивъ туманное представленіе о его всенародности, указывать на бродячіе сюжеты, на заимствование народной поэзіи у поэзіи другихъ народовъ. Но рядомъ съ этимъ другое освѣщеніе изученію народной поэзіи придавало появленіе особой области знанія — фольклора. Въ основѣ своей народная словесность — фольклоръ, т.-е. все-таки созданіе коллективнаго сознанія, смутнаго и переменчиваго, стариннаго и глубоко памятливаго, сохраняющагося почти безъ измѣненія цѣлыя столѣтія и въ то же время такъ неожиданно воспримчиваго и обновляющагося. Въ фольклоръ проникаетъ и книжное вліяніе. Его надо обследовать. Оно поддается чисто историко-литературному изысканію, но мы все-таки имѣемъ дѣло съ фольклоромъ, и этой главной, всеопредѣляющей, перемальвающей всякое книжное даваніе на свой ладъ, принадлежности народной словесности къ фольклору нельзя и не надо замалчивать. Именно какъ фольклоръ народная поэзія, по мѣткому слову проф. Жданова, „представляетъ собою, и богатый запасъ остатковъ вѣковаго эпоса,—запасъ смѣшанный и разновременный, въ которомъ явленія древнѣйшія и позднѣйшія, вымиравшія и вновь народившіяся, соединены вмѣстѣ въ одну общую пестроту“. Именно какъ фольклоръ и развивалась наша народная поэзія,—развивалась до самаго XIX вѣка. Ея исторія своеобразна и не похожа на исторію литературы. Это не столько преемственность чередующихся произведеній художественнаго слова, сколько постепенный ростъ однихъ и

тѣхъ же произведеній, все дальше и по новому, пока вовсе не забудется старый ихъ укладъ, старое содержаніе и назначеніе.

Указаніе на то, что народная поэзія входитъ въ составъ фольклора, въ высшей степени важно, потому что оно даетъ намъ возможность опредѣлить тѣ предѣлы, въ которыхъ вообще мыслимо изслѣдованіе народной поэзіи.

Мы не можемъ изслѣдовать русскую народную словесность, какъ таковую, во всемъ томъ безграничномъ ея разнообразіи, въ какомъ она жила и развивалась, скажемъ, отъ момента образованія русскаго языка, со всѣми его говорами и большими тремя языковыми отдѣлами, до нашихъ дней. Нѣтъ, мы можемъ изслѣдо-

Деревня XVII вѣка изъ окрестностей Москвы. (Альбомъ Мейерберга).

вать лишь памятники народной словесности, т.-е. то изъ нея, что стало книжнымъ достояніемъ. Весьма вѣроятно, что послѣ полувѣковыхъ усилій въ собираніи и записываніи памятниковъ народной поэзіи въ настоящее время мы имѣемъ не только почти все, что запечатлѣно въ памяти народной, но даже больше. Многие изъ того, что записано, уже успѣло безвозвратно исчезнуть. Кромѣ того, мы имѣемъ и памятники народной поэзіи болѣе древніе. Ихъ сохранила намъ древняя или просто болѣе старая письменность,—сохранила случайно: кое-какія записи былинъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ „древнія стихотворенія“ Кириши Данилова, кое-какіе отрывки лирическихъ пѣсенъ на злобу дня, упомянутыхъ въ особыхъ, такъ называемыхъ „пѣсенныхъ дѣлахъ“ тайнаго приказа временъ Петра Великаго, Елизаветы и Екатерины, малороссійская пѣсня, сохраненная одной грамматикой XVI вѣка, пѣсенники XVIII вѣка. Такимъ образомъ мракъ вокругъ

народной словесности проявился, и она представляется все въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ. Видѣли и слышали мы и сказителей былинь. Отъ самыхъ носителей народной словесности воспринимали мы ее, когда Географическое Общество выписывало этихъ сказителей въ Петербургъ и въ Москву. Но тѣмъ не менѣе все, что мы знаемъ о народной поэзіи, все-таки ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что она на самомъ дѣлѣ представляетъ собою, какъ фольклоръ, настоящій и прошлый.

Народная поэзія, въ противоположность писанной художественной литературѣ, состоитъ не изъ опредѣленнаго количества пѣсенъ, былинь, сказокъ и проч. Отнюдь нѣтъ. На самомъ дѣлѣ, ея содержаніе — это безчисленное множество пѣсенныхъ сюжетовъ, пѣсенныхъ выраженій, сказочныхъ мотивовъ, отдѣльныхъ сценъ и художественныхъ образовъ, на время сходящихся въ данныя былины, пѣсни и сказки, но немедленно вновь расходящихся и являющихся далѣе, все въ новыхъ и новыхъ сочетаніяхъ. Для опредѣленія того, что представляетъ собою эта недостижимая для изслѣдователя народная поэзія въ ея живомъ, некнижномъ видѣ, всего болѣе подходитъ принадлежащее ея большому знатоку Леониду Майкову сравненіе ея съ поверхностью вѣчно колеблющагося моря. „Сходство здѣсь,— говорилъ Леонидъ Майковъ,— въ полномъ отсутствіи устойчивости, въ непрерывномъ пониженіи и повышеніи того жидкаго тѣла, которое мы называемъ въ одномъ случаѣ водою, а въ другомъ—текстомъ народной пѣсни. И то и другое постоянно мѣняется, частью въ силу внѣшнихъ, частью въ силу внутреннихъ причинъ. Въ народной пѣснѣ это выражается постояннымъ измѣненіемъ ея текста, пропусками, замѣною однихъ словъ другими, и все это происходитъ, частью отъ забвенія (причина внѣшняя, случайная), частью отъ того, что поющій пѣсню или сказывающій былину, вноситъ въ нихъ долю своего личнаго творчества (причина внутренняя)“. То, что мы знаемъ о народныхъ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ по ихъ записямъ даетъ понятіе лишь о типахъ пѣсенъ, сказокъ и былинь. Иногда эти типы оказываются весьма устойчивыми. Чувствуется при сравненіи различныхъ записей или вариантовъ, что данный типъ существуетъ, какъ таковой, что онъ имѣетъ свою собственную поэтическую жизнь. Тогда варианты мало различаются другъ отъ друга. Но рядомъ съ этими, болѣе устойчивыми типами мы имѣемъ цѣлое множество типовъ неустойчивыхъ, и за ними мы естественно, помня главное и основное свойство народной поэзіи какъ фольклора, должны предполагать еще несравненно большее, даже безконечное количество типовъ пѣсенъ, былинь и сказокъ.

Устойчивость пѣснямъ и отчасти сказкамъ придаютъ собственные имена, обозначающія вполне опредѣленныхъ, сложившихся въ опредѣленныхъ представленія героевъ. Когда сказитель поетъ былину объ Ильѣ Муромцѣ, онъ вкладываетъ въ его уста извѣстныя характерныя для этого богатыря слова. Онъ заставляетъ его также совер-

шать именно вотъ такіе, а не другіе подвиги. И все это передается обыкновенно почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ получается вполне устойчивый рассказъ. Но вѣдь и это лишь часть былины, а не вся она. Вотъ проговорилъ богатырь то, что присуще его облику,—дальше вплоть до такого же типичнаго, почти не измѣняющагося мѣста пойдетъ былина то той, то иной дорогой, вставляя и прибавляя, заводя въ сторону, увлекая перипетіями то одного, то другого эпизода. То же самое и въ пѣсняхъ лирическихъ. Когда пѣсня говоритъ о парнѣ, что онъ „поймаетъ и зануздаетъ“ коня, что онъ „застрѣлитъ птицу“, что онъ переправитъ дѣвушку на ту сторону, мы знаемъ, что все это — символы для жениховства. Но какъ перепутываются эти образы въ пѣсняхъ! Какъ разнообразить пѣсня эти представленія, то нагромождая ихъ одно на другое, то, напротивъ, останавливаясь лишь на одномъ изъ нихъ. Устойчивости въ самыхъ произведеніяхъ нѣтъ, и напрасны были попытки возстановить нормальный складъ какого-либо изъ нихъ. Его нѣтъ и не можетъ быть. Ненормально, когда въ былинѣ о нашествіи „собаки Калина-царя“ на Кіевъ, князь Владиміръ обращается за помощью къ Ермаку Тимофеевичу, потому что Ермаку, какъ народно-традиціонному образу, не свойственно сливаться съ кіевскимъ цикломъ, но и это касается устойчивости самыхъ образовъ, а вовсе не того произведенія, въ какомъ они появляются.

Полная устойчивость пѣсни возможна лишь тогда, когда она почему-либо была напечатана въ какомъ-нибудь пѣсенникѣ, т.-е. уже вновь спустилась въ народную поэзію изъ книги. Такъ, несомнѣнно, было съ извѣстной пѣсней: „Вышелъ баринъ изъ лѣсочку“. Возникшая, вѣрнѣе всего, среди крѣпостныхъ графа Шереметева, женившагося на своей крѣпостной актрисѣ Прасковѣ Ивановнѣ Кузнецовой или Ковалевской, эта пѣсня напечатана въ такъ называемомъ „Глазуновскомъ“ пѣсенникѣ 1819 года. Она такимъ образомъ вошла въ народную поэзію, но родилась она не въ свойственныхъ ей приемахъ творчества. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ совершенно такимъ же явленіемъ, какъ и превращеніе въ народную пѣсню „Подъ вечеръ осенью ненастной“ Пушкина. Устойчивость текста народной поэзіи, какъ таковой, есть, стало-быть, нѣчто даже совершенно ей не свойственное. Только подъ книжнымъ вліяніемъ появляется она въ народномъ пѣснетворствѣ.

Неутомимое колебаніе созданій народной поэзіи происходитъ оттого, что пѣвцы ея, сказители или рассказчики соединяютъ въ себѣ и авторовъ и исполнителей.

Всякое лицо, произносящее былинку, поющее пѣсню или сказывающее сказку, вкладываетъ въ нее свой собственный замыселъ. Гильфердингъ рассказываетъ, на примѣръ, что нѣкоторые сказители, привыкшіе всего болѣе къ исполненію духовныхъ стиховъ, изображая богатырей былинъ, стараются дѣлать ихъ особенно набожными. Они измѣняютъ, стало-быть, даже самый вѣками созданный обликъ богатыря. Они вкладываютъ въ него свои индивидуальныя черты. Но

значить ли это, чтобы вот эта именно оригинальность замысла каждого исполнителя породила неустойчивость народной поэзии? Отнюдь нѣтъ. Мы приступаемъ тутъ къ основной ея особенности, къ, казалось бы, взаимно противорѣчающимъ другъ другу свойствамъ народнаго творчества: къ его полной свободѣ, съ одной стороны, и полной непоколебимой традиционности—съ другой. Взаимодѣйствие того и другого—вотъ разгадка тайны о народной поэзии. Исполнитель свободенъ; онъ—поэтъ - импровизаторъ, онъ заново возстановляетъ образы и,

Дѣвушка Тульской губерніи. (Въ коллекціи Этнографическаго Музея при Академіи Наукъ).

комбинируя ихъ по своему, каждый разъ создаетъ новое произведеніе искусства, но оно глубоко традиціонно; оно такъ похоже по общему складу на всѣ остальные, точно одно и то же лицо выглядываетъ изъ того же окошка, мѣняясь лишь настолько, насколько ничто живое не можетъ застыть въ неподвижности. Эта схожесть, эта особая и самая коренная устойчивость, происходитъ отъ устойчивости поэтическихъ средствъ и приемовъ. Всякій импровизаторъ повторяетъ затверженныя выраженія, затверженный ритмъ, и все тѣ же образы. Такъ же поступаетъ сказитель и пѣвецъ пѣсни и сказыватель сказокъ.

Сравненіе съ импровизаторомъ не случайно. У

киргизовъ мы наблюдаемъ народную словесность не только, какъ у насъ, въ видѣ „живой старины“, въ моментъ ея умиранія. Въ Сыръ-Дарьинскихъ степяхъ она жива и понынѣ, и мы знаемъ пѣсни, возникшія по поводу завоеванія Киргизіи русскими въ только что истекшемъ вѣкѣ. Эти пѣсни поютъ именно импровизаторы, въ самомъ прямомъ смыслѣ слова. Но ни одинъ изъ этихъ импровизаторовъ не создаетъ ни стилиа ни образовъ. Онъ твердо усвоилъ себѣ особую манеру, въ его сознаніи живъ извѣстный комплексъ поэтическихъ выраженій и по новому поводу, введя *mutatis mutandis* то, что требуетъ новое положеніе вещей, новое пѣніе „славы“ новому герою, онъ быстро создаетъ и произноситъ новую пѣсню. Починъ, конечно, тутъ есть, но

починъ какъ можно болѣе бѣдный, починъ осторожный и, въ сравненіи съ починами нашихъ поэтовъ, починъ жалкій.

Стиль народной поэзіи единъ, и онъ неизмѣненъ. Именно стиль-то и представляетъ собою самый древній составъ произведеній народной поэзіи. Напримѣръ, образъ, на которомъ построена дошедшая до насъ отъ XVI вѣка малороссійскія пѣсня, встрѣчается совершенно въ томъ же самомъ видѣ и въ пѣсняхъ современныхъ. Исполнителей-импровизаторовъ произведеній народной словесности не влечетъ ни къ какому новшеству. Если сказитель описываетъ сѣдланье богатыремъ коня, онъ представитъ его во всѣхъ случаяхъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Потнички будутъ положены одинъ на другой, сѣдельце будетъ „черкасское“, поводья „шелковыя“, удила „золотыя“ и стремяна „чиста серебра“. Еще съ дѣтства, когда мы впервые ознакомливались съ произведеніями народной словесности, запомнились намъ и эти твердо установленные эпитеты: „зелено вино“ и „дѣвица красная“, „почестенъ пиръ“, чаша „въ полтора ведра“, „поле „чистое“. Запомнились намъ и эти наивные приемы выразительности: эпическія повторенія, параллелизмъ, привлеченіе вниманія къ образу путемъ первоначальнаго отрицательнаго вызванія цѣлаго ряда другихъ, которые всѣ отвергаются, какъ бы нарочно, для того, чтобы усилить впечатлѣніе при названіи того представленія, которое нужно въ данной связи.

Охъ далече, охъ далече, во чистомъ полѣ
А еще того подаѣ — во раздолыцѣ,
Выбѣгало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное, — звѣриное — жѣриное.
Напередъ-то выбѣгаетъ Скиперъ-звѣрь, —

описываетъ одна былина (*Киртвевскій*, вып. 2-ой, № 2) то чудище, съ которымъ придется сразиться Добрынь. Или вотъ изъ Кири:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окіанъ - море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

А когда дѣвчья пѣсня загадываетъ о предстоящемъ женихѣ, изображая его спасителемъ изъ пучины, она заставитъ всю родню отказаться спасти дѣвушку и потомъ только упомянетъ о „добромъ молодцѣ“. Ни у матери, ни у сестры, ни у братца, ни у кого, — поется въ пѣснѣ, —

...жалости не было,
Не сняли меня, дѣвушку, съ моря.

и только

У милого жалости было,
Сняли меня, дѣвушку, съ моря

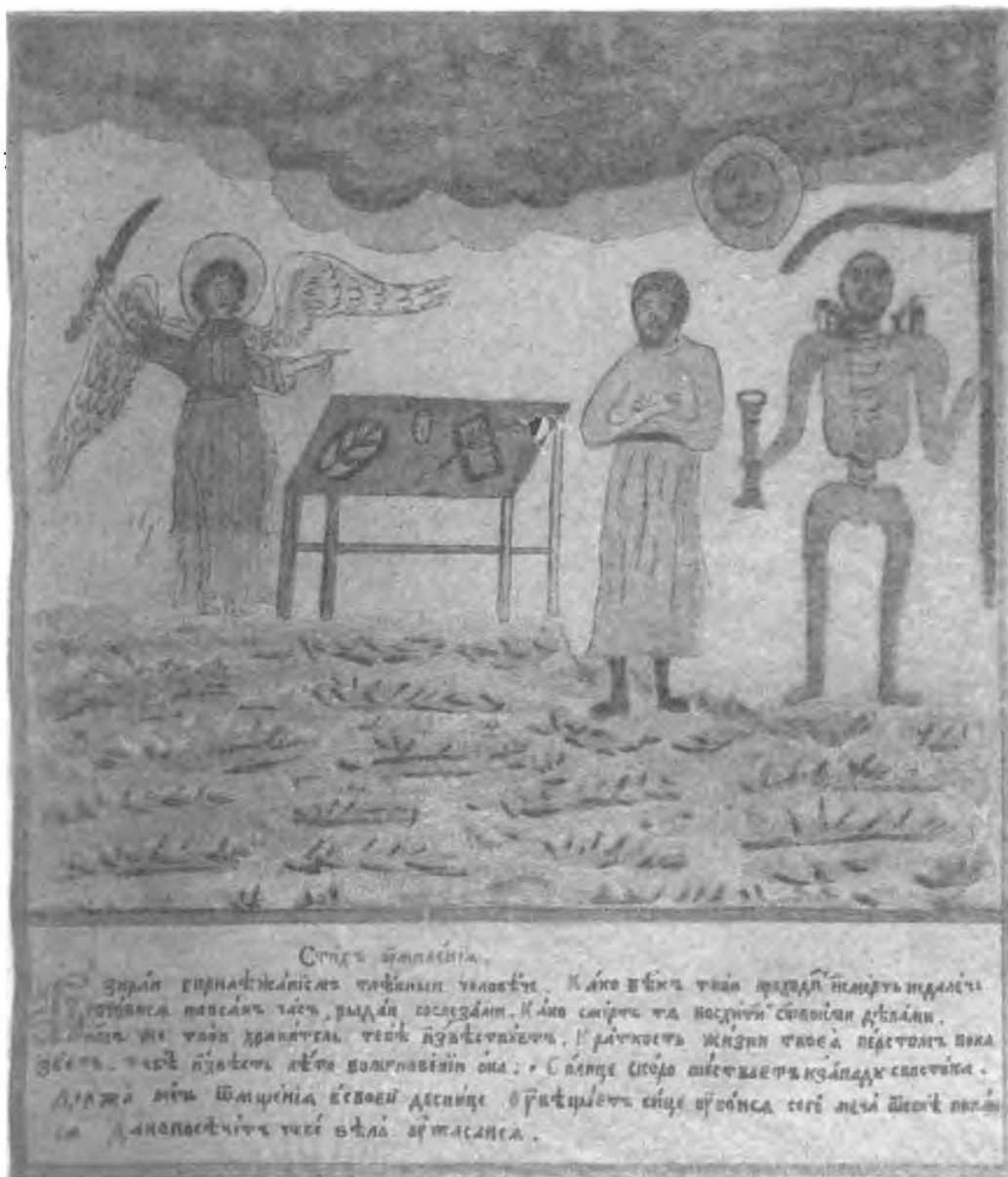
Молодая дѣвушка XVII вѣка.
(Альбомъ Мейерберга).

Отчего же при полной, казалось бы, возможности разнообразить пѣсню или сказку, такой убаюкивающе однообразной старается народная поэзія проникнуть въ сознание слушателя?

Это наводитъ, естественно, на мысль, что необозримое разнообразіе произведеній народной словесности—нѣчто вовсе не искомое, а скорѣе неизбѣжное. Пѣвецъ - сказитель не потому импровизаторъ, что таковъ преднамѣренный замыселъ его манеры исполненія, а потому что инымъ, не имѣя средства заставить текстъ застыть и остановиться въ своемъ броженіи путемъ записи, онъ не можетъ стать. Народная поэзія оттого неустойчива, что иною не могла удержать ее человѣческая память, иною не могло сохранить ее и лелѣять дальше сознание безкнижнаго и безписьменнаго народа. Но тутъ спрашивается, кто же ея авторы - подражатели, эти творцы затверженнаго, хранители вѣчно измѣняющагося? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ подступить къ самой основной сути дѣла, а разъясненіе этого вопроса неразрывно связано съ осмысленіемъ строгой традиционности въ стилѣ народной словесности. Вѣдь если, естественно, исполнитель пѣсенъ и сказокъ долженъ былъ оказаться импровизаторомъ, онъ могъ бы и не сдерживать своихъ способовъ выразительности, обновлять ихъ и даже щеголять своей оригинальностью. Легко можно было бы предположить, что именно оригинальность-то способовъ выраженія и давала бы ему успѣхъ. Тогда традиционность была бы значительно меньшею, смутною, только неизбѣжною, а вовсе не той требуемой и какъ бы узаконенной, какой она оказывается на самомъ дѣлѣ. Очевидно, было нѣчто важное, что сдерживало оригинальное творчество исполнителей. Исполнитель не долженъ былъ вовсе стремиться къ оригинальности, а, напротивъ, долженъ ставить традиционность, какъ одно изъ непремѣнныхъ условій своего замысла.

Вдумываясь въ происхождение народной поэзіи, многіе изслѣдователи указывали на то, что въ ея текстахъ чувствуется наторѣлая рука профессионала,—человѣка, для котораго эта поэзія была специальнымъ ремесломъ. Проф. Вс. Ѳ. Миллеръ говоритъ, что „на участіе профессиональныхъ пѣтарей указываютъ традиціонныя прибаутки, которыя мы нерѣдко находимъ либо передъ началомъ, либо послѣ конца былины“, и на вопросъ о томъ, кто были эти профессиональные пѣтари, отвѣчаетъ: „я предположилъ, что такими пѣвцами были, главнымъ образомъ, древне-русскіе скоморохи“. Особенно убѣдительнымъ казалось проф. Миллеру въ этомъ отношеніи такое мѣсто изъ Кирши Данилова:

То старина, то и дѣянье,
 Какъ бы синему морю на утѣшенье,
 А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Молодымъ молодцамъ на перениманье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье.
 Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,

Иллюстрированный старообрядческий стихъ.
 Рѣдная старообрядческая картинка душеполезнаго содержанїа.